

Н. А. Котляревский

ДЕВЯТНАДЦАТЫЙ ВЕК

ОТРАЖЕНИЕ ЕГО ОСНОВНЫХ
МЫСЛЕЙ И НАСТРОЕНИЙ
В СЛОВЕСНОМ
ХУДОЖЕСТВЕННОМ
ТВОРЧЕСТВЕ НА ЗАПАДЕ

URSS

Н. А. Котляревский

ДЕВЯТНАДЦАТЫЙ ВЕК

ОТРАЖЕНИЕ ЕГО ОСНОВНЫХ МЫСЛЕЙ И НАСТРОЕНИЙ В СЛОВЕСНОМ ХУДОЖЕСТВЕННОМ ТВОРЧЕСТВЕ НА ЗАПАДЕ

Издание второе

Золз

URSS
МОСКВА

Тверской государственный университет

Научная библиотека 00295233

*23-1
25-2*

Оглавление.

	СТР.
От автора	III-VI
I. Исключительное положение художественных произведений среди других памятников человеческой жизни: время над ними не властно.— Попытки раз'яснить тайну художественности; мы пройдем мимо нее.—Художники слова как мыслители, психологи и историки. Мы будем говорить лишь о тех из них, которые думали над высшими проблемами жизни.—К числу таких проблем относится вопрос о нашей религиозной связи с Богом и о нашей нравственной связи с людьми.	1
II. Логическое, нравственное и эстетическое толкование идеи о Боге в отличие от религиозной связи с ним.—Вера как автономное обнаружение нашей психической жизни.—Научная, эстетическая и нравственная оценка процесса земной жизни.—Общепризнанное понятие о добре и зле.—Без решения религиозной и нравственной проблемы жизнь лишена своего смысла.—Мучительные тайны.	5
III. В минувшем веке поэт был о себе очень высокого мнения.—Дух времени нашел себе в нем типичное выражение.—Общая характеристика XIX столетия.—Исключительная напряженность в работе ума, в душевных переживаниях и в стремлении согласовать идеал с жизнью.—Усовершенствования внешней стороны культурной жизни.—Торжество науки и искусства.—Расцвет философской мысли.—Любовь к старине и к воспоминаниям.—Необычайно напряженная работа политико-социальной мысли и чрезвычайное обилие форм, в какие эта мысль облакалась в самом ходе жизни.	11
IV. Необычайная тревога религиозной мысли и настроения в XIX веке.—Три характерных явления в области религиозного самосознания: ослабление прежней веры, скептическое и отрицательное отно-	

шение к вере вообще и мысль о новой вере.— Связь земли и неба стала в минувшем веке значительно более слабой, чем она была раньше: большое количество земных планов и дел вышло из сферы влияния религиозных представлений и настроений.—Понижение в людях ощущения отеческой любви к ним. Бога. . . . .

20

V. Мораль альтруизма.—XIX век в осуществлении этой морали в жизни не отмечен особыми подвигами.— Но зато он с необычайной силой мысли и чувства работал над теоретическим разрешением нравственной задачи жизни.—Вопрос о нравственной связи людей занял очень видное место в целом ряде философских, научных и общественных доктрин.—Насколько действительность в XIX веке не оправдывала требований и ожиданий углублявшегося нравственного чувства.—Тревога нравственного чувства возрастает по мере того, как слабеет в людях ощущение их религиозной связи с Богом.—Но истина любви человека к человеку остается непоколебленной. . . . .

29

VI. Повышение в XIX веке стоимости земной жизни и ценности личности человеческой.—Как далеко жизнь отошла от евангельского нравственного идеала.—XIX век от этого идеала не отрекся и строил на нем теорию прогресса.—Противоречие между эгоистическими требованиями жизни и альтруистическими движениями души человеческой.—В разрешении этого противоречия человек предоставлен своей единоличной нравственной силе. . . . .

35

VII. Мысль об автономности человека в решении нравственной задачи жизни, как характерная черта в миросозерцании XIX века.—Краеугольное положение этой мысли во всех теориях прогресса.—Мечта об утраченном рае превращается в уверенное ожидание его близкого возврата.—Создать этот рай на земле человек призван своими единоличными силами.—Тревога духа, которую такая гордая мысль должна была вызвать.—Неизбежность разочарований и большой скорби.—Все разочарования покрываются уверенностью в конечном торжестве автономного человека.—Зарождение «религии человечества». . . . .

40

VIII. Отрицание религиозного начала жизни требует замены этого начала чемнибудь равносильным. Потребность в новой вере.—«Религия человечества» как попытка создать такую веру.—Безграничное доверие, оказываемое человеком человеку.—Различные формы, в каких намечались в минувшем веке религия и культчеловечества.—От Вольтера до Нитше.

45

IX. Опасения, какие вызывает «религия человечества» когда отвлеченное понятие о «человечестве» заменяется конкретным представлением о живых людях.—Герой и масса.—В какой мере они заслуживают доверия и поклонения?—Страхи за героя и еще большие страхи за толпу.—Но все эти опасения не умалили веры людей XIX века в торжество гуманных идеалов автономного человечества. . . .

54

X. Вера в нравственную силу разума и во врожденную доброту человека в XVIII веке.—Вольтер и Руссо, как выразители этих основных мыслей своего поколения.—Смех Вольтера, как сознание силы разумного и свободного человека и одно из обнаружений автономности его духа.—Уклончивое решение религиозной проблемы жизни.—Нравственное совершенствование человечества поставлено в зависимость от его умственного развития.—Руссо как апостол любви.—Вера в естественную доброту человека и широкий путь нравственного совершенствования, открытый человечеству.—Религиозное чувство, как плод нравственного под'ема души.—Полное доверие к нравственной силе человека, несмотря на резкое осуждение данного положения.

61

XI. Гете.—Отсутствие в его творчестве двух типов—верующего человека и самоуверенного героя охваченного страстью.—Пантеизм Гете и его язычество как религия художника.—Безучастное отношение к христианской мистике и учению о страдании.—Альтруистическая мораль в связи с преклонением перед сильной личностью.—Осторожная расценка умственных и нравственных сил героя.—Предостережения герою, данные в драмах Гете.—Задачи жизни человечества, как она обрисована в «Фаусте».—Великое гуманное призвание человека, его автономность в решении всех вопросов жизни; неустанное стремление к идеалу как оправдание человека.—Но при всем этом неизбежность грехопадений. . . . .

72

XII. Поэзия Шиллера как гимн во славу нравственной силы человека.—Неясность религиозного мирозерцания поэта.—Фатализм, как насильственное и противоречивое разрешение сомнений.—Непоколебимая вера в силу нежных, любовных и всех альтруистических чувств человека.—Уверенность в наступлении царства любви и свободы.—Предостережения герою и требование от него «резиньяции».—Гибель всех героев, которые не убереглись от самомнения.—Необходимость гармонии в страстях и поступках.—Такую гармонию на земле установит красота. . . . .

83

- XIII. Великая Революция, как первое отрицание старого религиозного понимания жизни и как первое проявление в действии нового миросозерцания.—Культ разумного и справедливого человека.—Вера в наступление царства добра и свободы.—Путь насилия.—Империя.—Наполеон, как воплощение силы и могущества человека.—Катастрофа. 91
- XIV. Различные расценки пережитой катастрофы, данные ближайшим к ней поколением.—Три характерных вида таких расценок Революция как великая победа автономного человека; Революция как пример его нравственного несовершенства. Революция как кара Божия, требующая покаяния.—Шелли.—Его любовь к природе.—Пантеизм и атеизм в его религиозном мировоззрении.—Учение о судьбе и любви.—Любовь преобразит земную жизнь в райскую.—Преображение это совершится путем политико-социальных реформ.—Шелли как революционер и социалист.—Его вера в нравственную силу человека не была поколеблена Революцией и в ней он признавал великую победу автономного человека над мировым злом. 95
- XV. Психология героев Байрона как отзвук на мрачную и скорбную сторону пережитой трагедии.—Сам художник не совпадал со своими героями в мирооценке.—Его гуманизм и участливое отношение к судьбам современников.—Но своей славой Байрон обязан своим мрачным героям.—Их антигуманные мысли и настроение.—Их антисоциальные чувства и поведение.—Психологические мотивы, обусловившие их мрачное и скорбное миросозерцание, которое было по душе многим людям, разуверившимся в нравственной силе человека. 104
- XVI. Религиозное истолкование пережитой катастрофы.—Бог допустил людей до падения, чтобы вернуть их на путь веры.—Католические тенденции в начале XIX века.—Ранний французский романтизм и лирические религиозные мотивы в творчестве Шатобриана и Ламартина.—Несложное, простосердечное и наивное ощущение близости Бога.—Немецкая романтическая школа.—«Эстетический идеализм» как отличительная черта ее раннего периода.—Миросозерцание немецких романтиков первой формации сложилось независимо от политико-социальных условий их времени.—Очерк развития этого миросозерцания, как он дан в повестях Гельдерлина, Вакенродера, Тика и Новалиса.—Религиозный мотив в этих произведениях дает себя чувствовать очень ясно.—Оптимизм в этических мотивах.—Второе поколение романтиков.—Яркая религиозно-консервативная тенденция в их творчестве. . . . 111

	СТР.
XVII. Поколение 30—40-х годов.—Подъем веры в жизнь и человека, но веры не исключавшей опасений и скорбной мысли.—Нерелигиозность этого поколения при широком гуманизме.—Философские «идеалистические» системы и их обещания.—Социалистическая утопия; ее гуманная программа, мирный характер и ее влияние на развитие понятия о «религии человечества».—Культурная роль либерализма тех годов.	123
XVIII. Паэос как особый вид восприятия жизни художником.—Виктор Гюго. Рост его общественных взглядов.—Эстетическая теория романтизма.—Поэт и мироздание.—Власть поэта над прошлым и прозрение будущего.—«Собор Богоматери» и «Легенда веков».—Сила паэоса.—Вознесение души.—Бог как паэос космоса.—Грядущее царство любви, равенства, свободы и братства.—Оборона униженных и обездоленных.—Вера в нравственное возрождение падшего.	131
XIX. Романтическая драма как эпизод из истории культа героя.—Новое понимание трагического смысла жизни в романтической драме.—Несовместимость идеи судьбы и Предопределения с этим пониманием.—Темы из жизни античного мира и христианства первых веков.—«Мерлин» Иммерманна.—Свобода страстей, как залог блага и счастья человечества.—Земная жизнь человека как героическая полная паэоса драма.—Чувство любви в истолковании романтической драмы.—Драмы В. Гюго.—Страдание героя, как залог победы гуманных идеалов.	141
XX. Призвание женщины.—Уравнение ее в правах с мужчиной в XIX веке.—Мечты об ее гегемонии.—Исторические воспоминания.—Культ женского начала в 30—40-х годах.—Отклики этого культа в литературе.—Идеал романтической героини.—Дар сердечной интуиции и мистическая сила ее любви.—Попытки сочетать идеальный женский облик с жизненной правдой.—Бальзак и Жорж Санд.—Разносторонность духовных интересов Ж. Санд.—Мужская мысль и женское ее истолкование.—Интуиция истины и добра.—Женщина как воспитательница мужчины.—Сочетание в Ж. Санд типов недавнего прошлого женщины, ее настоящего и будущего. . .	150
XXI. Переход романтического паэоса в настроения менее радостные и бодрящие.—Вторжение в романтическое мирозерцание иронии, сарказма, цинизма и глубокой скорби.—Гофман.—Его эстетические взгляды.—Красота, как высшее счастье.—Жизнь причудливая фантастическая сказка.—Бог и чудеса в земных делах.—Всё вокруг нас и внутри нас —	

- тайна.—Ироническое отношение к началам и концам.—Гейне — идеалист романтик, насмешник и циник.—Его общественно - политическая роль.—Романтик, хоронящий своего бога.—Чередование пафоса и сарказма.—Гейне, как выразитель перелома в романтическом миросозерцании. 159
- XXII. Пессимизм гуманный и негуманный.—Скорбная мысль о жизни в 30—40 годах.—Ее гуманный характер.—Этот гуманизм не связан ни с идеей о Боге, ни с высоким мнением о человеке.—Его источник самая чистая форма любви.—«Фауст» Ленау.—Без познания «истины» мира нет счастья.—Виньи и его философия любви и сострадания, приводящая к отчаянию.—Трагизм подвига любви.—Религия «чести».—Леопарди.—Безнадежно скорбная мысль о жизни, полная глубокой любви и сострадания.—Преклонение перед силой «мысли».. . . . 170
- XXIII. Пессимизм одиночества и отчуждения от общих интересов.—Тесный круг чисто личных интимных переживаний артиста.—Мюссе — певец любви.—Любовь как единственный смысл жизни.—Недовольство собой и печаль при раздумии над великими задачами жизни.—Возрастание гнетущего чувства одиночества.—Отрывочные мысли о социально-политическом положении.—Тоска по утраченной религиозной вере.—Угроза антигуманного пессимизма. 180
- XXIV. Глубина самых интимных переживаний художника.—Пессимизм полного отчуждения от общей жизни.—Аристократизм такого отчуждения и культ красоты.—Ужас и жестокость в поэзии Эдгара Поэ.—Тайны бытия.—Призрак загробного мира.—Социальный индифферентизм.—Злоба человека.—Бессилие слова.—Бодлэр.—Тлеющая искра идеала в его поэзии.—Отсутствие какого либо интереса к жизни целого.—Мотивы скорби, ужаса отчаяния и негодования.—Сплин и идеал.—Скука бытия. 188
- XXV. Эпоха с конца 40-х годов до 80-х.—Кричащее противоречие между блеском культуры и социально-политическим положением.—Государственный консерватизм и промышленная конкуренция.—Развитие милитаризма.—Рост точных наук.—Антирелигиозность.—Построение альтруистической морали на позитивных началах.—Оптимистический характер нового миросозерцания.—Культ человечества и героев. 197
- XXVI. Бог, истина, добро и красота в освещении „трезвого“ миросозерцания.—Более спокойное решение вопроса о соглашении жизни и идеала.—Более

	СТР.
скромная мечта о блаженном будущем, и изыскание ближайших способов приближения действительности к желанной мечте. — Общая программа реформ жизни в духе социальной справедливости. — Уверенный взгляд на будущее без романтической тоски и боли, но с большой примесью разумной печали.	207
XXVII. Социализм, как одна из форм «религии человечества». — Боевое положение, в каком находится социализм с половины XIX века. — Что он обещает дать, когда перейдет на положение мирное. — Общая программа социализма.	212
XXVIII. Необходимость точного обследования духовных и материальных сил человечества, преимущественно массы. — Заслуга XIX века в деле научной постановки такого обследования. — Роль литературы «реального» письма. — Обилие и точность сведений, какие она давала о жизни.	217
XXIX. Обилие и разнообразие тем в литературе реального письма. — Изменение точки зрения художника на обрабатываемый материал. — Ценность мелочей жизни. — Перемена общей расценки жизни и человека. — Измельчание героев. — Попытки изображения героев в обыденной обстановке. «Орел или решетка». «Один в поле не воин». — Тина жизни. «Госпожа Бовари». — Безидейная погоня за властью и земными благами. Сила денег. «Комедия человечества». «Домби и сын». «Ярмарка тщеславия». — Понижение всех идеалов. — Безотрадные выводы, к каким пришел реальный роман. — Но он не подорвал веры человека в себя. — Надежды на приток свежих сил из недр народа.	221
XXX. Темы из народной жизни. — Старые образцы таких тем. — Трудность, с какой сталкивался писатель-реалист в их выполнении. — Углубление взгляда на роль массового начала в историческом процессе. — Опасение за нравственную силу народной массы. — Художник-реалист не подтвердил надежд и взглядов романтика-народолюбца. — Удручающие показания о жизни крестьянства в романах Бальзака «Крестьяне» и Зола «Земля» — Предостережение.	231
XXXI. Рабочий вопрос. — Его огромное значение для нашей жизни. — Классовая борьба физических сил. — Социальные романы первой половины века. — Их общий условный план. — Мрачная правда реального романа из жизни рабочего класса. — Романы Зола «Жерминаль» и «Западня». Глубокое и беспристрастное понимание рабочего вопроса в этих романах.	240

	СТР-
XXXII. Наши дни.—Определенность тех ответов, которые писатель прежних поколений давал на вопросы общего характера.—Неясности и колебания в мирозерцании современных художников слова.—Туманности, сомнения, возврат к старине и эклектизм.—«Искатели».—Перемена в плане наших бесед.	246
XXXIII. Большая примесь печали во взглядах современного художника на жизнь.—Отсутствие глубины и яркости в этом пессимизме, но зато отсутствие и противовеса ему в чувстве героической жизнерадостности и энтузиазма.—Закат культа героя и массы.—Отказ философского мышления от объединяющего синтеза всего процесса бытия.	252
XXXIV. Красота как единственная неизменная ценность в мирозерцании современного художника.—Выделение красоты из области связанных с ней понятий религиозных и нравственных.—Полная автономность красоты.—Ее возможное влияние на внешний строй нашей жизни.—Красота как сила объединяющая людей.	257
XXXV. Религиозность наших дней.—Уступки религиозной мысли и чувства при искании Бога.—Тревога и томление.—Страхи за веру вообще и за христианское вероисповедание в частности.—Мысль о возврате к христианской старине.—Сомнения, какие возникают при этой мысли.	262
XXXVI. Стремление современного художника стать по ту сторону добра и зла.—Крайний индивидуализм и его враждебное отношение к демократической тенденции века и к альтруистической морали.—Как мы нравственно не удовлетворены нашей культурой и как неопределенны наши решения нравственной проблемы жизни.	269
XXXVII. Необычайно тревожная обстановка, при которой приходится в наши дни решать основные вопросы жизни.—Культурный мир стал военно промышленным лагерем.—Предчувствие надвигающейся социальной революции.—Мирный характер теорий и мечтаний о будущем социальном строе.—На практике обостряющаяся борьба физических сил.—Мысль о возможности перехода власти от вождей к массе.	275
XXXVIII. Общий обзор.	283

